

УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО

Мошкин Сергей Вячеславович
доктор политических наук,
главный научный сотрудник ИФиП
УрО РАН

Французская осень 2005 года с ее пылающими автомобилями в парижских предместьях и сотнями разбушевавшихся франко-африканцев заставила многих европейских политиков задуматься о правильности миграционной политики Евросоюза. То, чем гордились европейцы, публично выдавливая из себя свое колониальное прошлое, рухнуло в один миг и сгорело в мигрантских кварталах больших и малых европейских городов. Досталось не только Парижу. Словно по иронии судьбы волнения охватили также и Брюссель — столицу Евросоюза, и Страсбург — европейскую столицу прав человека. И вот уже в прессе начали раздаваться голоса о новой европейской революции, на этот раз — цветной, и даже о закате процесса европейской интеграции.

Впрочем, что нам до них, сытых европейцев, скажет досужий обыватель. У нас и своих проблем с мигрантами хватает. И действительно, едут к нам, по большей части нелегально, из Китая и Таджикистана, Молдовы и Украины. Сколько? — точно не знает никто. По оценкам официальных органов, в России сегодня на более или менее постоянной основе проживает от 6 до 8 млн. мигрантов. Количество же сезонных «гастарбайтеров» вообще не поддается учету. При этом в одном только Екатеринбурге, к примеру, в 2005 году находилось приблизительно 80–100 тысяч трудовых иностранных мигрантов, в основном из Средней Азии, из которых лишь 12 тысяч прошли официальную регистрацию. Вдумаешься в эти цифры и начинаешь понимать, что проблемы цветной, бунтующей Европы не так уж далеки от нас, и что события пылающей осени-2005 в Париже дают нам хорошую возможность

на горьком европейском опыте извлечь полезные уроки, дабы в будущем самим не наступить на французские грабли.

Урок первый. Начиная с 1960-ых годов, европейские страны — бывшие метрополии, — усвоив доктрину антиколониализма, распахнули двери границ для жителей своих бывших колоний. Причины на то были сугубо экономические. Европа, переживавшая последствия демографического спада после Второй мировой войны, испытывала острую нехватку рабочих рук. Взять их было особенно негде: Восточная Европа, традиционный поставщик трудовых ресурсов для Центральной Европы, отделилась «железным коммунистическим занавесом», поэтому рассчитывать можно было только на «своих», т.е. выходцев из Азии и Африки. К тому же впустить в свой «цивилизованный дом» тех, кого еще вчера унижали, это, как считали европейцы, стало бы справедливой платой государств-метрополий за свое несправедливое колониальное прошлое. При этом у бывших колониальных подданных было явное преимущество по сравнению с другими потоками мигрантов — они владели языком страны-метрополии и были знакомы, благодаря усилиям колониальных властей, с административной системой принимающей их страны. Это, как ожидалось, способствовало бы достаточно быстрой адаптации мигрантов к жизни в новых условиях. Однако власти наивно полагали, что выходцы из бывших колоний, прожив в Европе пару-тройку лет и подзаработав изрядную по их меркам сумму денег, вернуться на родину, а потому никаких особых усилий по интеграции мигрантов в гражданское сообщество европейских государств не предпринимали.

Что же вышло на деле? Мигранты действительно охотно поехали в европейские страны и достаточно быстро оценили преимущества жизни в цивилизованной Европе, но возвращаться назад, к немалому удивлению официальных властей, не захотели. Их вполне устраивал статус маргиналов, т.е. «не-французов» во Франции, «не-бельгийцев» в Бельгии, «не-голландцев» в Голландии и т.д., ибо они по-прежнему считали себя выходцами из конкретного африканского или азиатского рода-племени.

Въезжая в Европу, они предпочитали расселяться рядом со своими соплеменниками, образуя достаточно многолюдные, но при этом весьма компактные и замкнутые этнические колонии мигрантов. На первых порах государственных чиновников это ничуть не смущало, они понимали, что мигрантам жить «на чужбине» среди своих гораздо проще и удобней, всегда можно рассчитывать на помощь и поддержку соплеменников. Более

того, осознав, что мигранты – это навсегда, власти начали усиленно возводить для них муниципальное жилье в пригородах больших городов, еще более концентрируя мигрантов в локальных пространствах. Коренные же жители страны, напротив, начали покидать некогда однородные в этническом отношении пригороды, отныне наводненные мигрантами. Так в европейских столицах появились чайна-тауны, африканские и арабские кварталы.

Именно концентрация выходцев из Азии и Африки в локальных поселениях стала главной причиной того, что процессы интеграции мигрантов в жизнь гражданского сообщества страны пребывания чрезвычайно замедлились. Мигранты не спешили, да и не хотели расставаться с культурой, усвоенной с детства на своей далекой родине, сохраняя привычные для них обычаи, традиции, обряды, представления о нормах поведения и правосудия. Происходило своеобразное «окукливание» мигрантских общин: они жили самодостаточной жизнью, воспроизводя в европейских городах маленький мир своей родины, не выказывая намерений к интеграции в сообщество европейцев. Коренные жители стран-метрополий, в свою очередь, воспринимали мигрантов как «неизбежное зло», от которого, при случае, лучше оградиться.

Итак, вывод первый: *ни в коем случае нельзя допускать компактного проживания и, тем более, формирования колоний мигрантов в стране пребывания, поскольку это тормозит процессы интеграции и социальной адаптации мигрантов к жизни в новых условиях.*

Урок второй. Пока экономическая конъюнктура европейских экономик была положительной, никто, в общем-то, всерьез не беспокоился о судьбе мигрантов. Всем хватало рабочих мест, а в случае потери работы доходы казны позволяли выплачивать работнику довольно-таки приличные государственные пособия, чем, кстати, пользовались многие гастарбайтеры, подчас паразитируя на бюджетных расходах.

Ситуация ухудшилась, когда европейская экономика пошла на спад. Ввезенная рабочая сила стала излишней и обременительной, а потому государственные социальные программы на поддержку мигрантов резко сократились. Их кварталы все больше стали напоминать настоящие гетто. И без того занимая низшую ступеньку в социальной иерархии, мигранты опустились на самое дно. Настоящим бичом стала безработица, поскольку ни по уровню образования, ни по профессиональным умениям и навыкам они не могли составить конкуренцию коренным жителям. В современной Франции уровень безработицы среди обитателей мигрантских кварталов достиг 20-ти, а в отдельных районах — 60%.

Отсутствие легальных средств к существованию подтолкнуло выходцев из бывших колоний к занятию

криминальным бизнесом, главным образом – торговлей наркотиками. Сплоченность и закрытость мигрантских общин лишь способствовала этому, затрудняя работу правоохранительных органов внутри «цветных» кварталов. Здесь начали формироваться организованные преступные сообщества, а подрастающая молодежь, лишенная родительских денег на приемлемое образование, и, следовательно, на возможность получить стабильную работу, стала питательной средой для пополнения уличных банд.

Отсюда вывод второй: *в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры и спада национальной экономики кварталы мигрантов в наибольшей степени подвержены криминализации, превращаясь в реальный фактор угрозы общественной безопасности.*

Урок третий. Миграционная политика европейских стран в конце XX века носила весьма странный характер. Несмотря на острую экономическую потребность в иностранной рабочей силе, в ее основу легли либеральные моральные ценности, густо замешанные на доктрине прав человека (избавление от колониального прошлого, право человека на свободный выбор места проживания, принцип воссоединения семей и т.д.), нежели долговременный экономический прогноз. Впускали буквально всех, без учета степени владения языком, имеющейся профессии, возраста, семейного положения, не говоря уже о таких «тонких материях», как адаптивные возможности человека и его лояльность к существующему политическому режиму страны пребывания. Ведь мигрантов ориентировали на тяжелый и мало оплачиваемый физический труд. Тут уж не до «тонких материй».

Однако научно-техническое перевооружение производства, основанное на применении информационных технологий, и последовавшая за этим структурная перестройка европейской экономики, привели к существенному сокращению доли физического труда в сфере занятости. Это стало еще одним мощнейшим фактором роста безработицы, о катастрофических последствиях которой для мигрантов говорилось чуть выше.

Вывод третий: *миграционная политика государства не может строиться на основе сиюминутной экономической потребности, а должна опираться на результаты перспективного прогноза развития национальной экономики и формулировать соответствующие требования к качеству привлекаемой рабочей силы. Главным основанием на право въезда в страну должно стать такое качество мигранта, как его социальная мобильность, способность максимально быстро адаптироваться к жизни в новых условиях и интегрироваться в гражданское сообщество страны пребывания. Это, в свою очередь, невозможно без знания соответствующего иностранного языка, наличия образования и*

востребованной на рынке профессии, способности к овладению новыми профессиональными знаниями и специальностями. Кроме того, следует учитывать возраст мигранта, семейное положение, а также его налоговую и криминальную историю.

К слову сказать, именно на таких принципах сегодня строится миграционная политика Канады, Австралии, Новой Зеландии, принимающих самые большие потоки трудовых мигрантов со всего света.

И, наконец, **урок четвертый** — самый очевидный. Ошибки европейских государств в сфере миграционной политики, о которых шла речь выше, больше всего ударили детей и внуков мигрантов, въехавших в Европу в 60-е годы прошлого века. В отличие от своих предков они уже не были «иностранной рабочей силой», а напротив, полноценными гражданами страны. Это де-юре. Де-факто же они, как и их отцы, скученные в мигрантских кварталах, оставались «не-французами» во Франции, «не-бельгийцами» в Бельгии, «не-голландцами» в Голландии. Что с того, что в кармане у тебя лежит французский паспорт, если в своей родной стране (а ведь страны, принявшие их отцов, стали для детей мигрантов действительно родными) ты чувствуешь себя изгоем. Не можешь получить образование, работу, вырваться из вечной нищеты, тогда как рядом твои сограждане, такие же французы, только другого цвета кожи, преуспевают и процветают. Ничего иного, кроме протеста, такие настроения породить

не могут.

Вывод: просчеты государственной миграционной политики проявляются не сразу. Накапливаясь постепенно, они проявляются с полной, подчас разрушительной силой спустя два-три людских поколения.

Но вернемся к России, которая за последние семь-восемь лет превратилась в одну из стран, принимающих самые крупные в мире потоки трудовых мигрантов, и, следуя прогнозам экономистов и демографов, эти потоки будут возрастать из года в год.

Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы заметить, что мы идем по тому же порочному пути, которым прошла современная Европа. Мы принимаем в свою страну, главным образом, неквалифицированную рабочую силу, способную лишь к тяжелому мало оплачиваемому физическому труду, не предъявляя никаких особых требований к мигрантам и не стремясь повысить качество привлекаемых трудовых ресурсов. В наших городах постепенно начинают формироваться если не кварталы, то, как минимум, микрорайоны с преобладанием мигрантского населения. От европейцев нас отличает пока лишь то, что мы не можем позволить себе строить для них специальное жилье, и то, что значительная доля мигрантов приезжает к нам на сезонные работы. Но первый шаг по направлению к «французским граблям» сделан, и если вовремя не свернуть, то очень велика вероятность, что лет эдак через двадцать-тридцать мы на них наступим.